

Михаил ВОСТРИКОВ

КАК СПАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОТ ОТХОДОВ

Памяти академика РАН
Леониды Абрамовича Вайсберга (1944-2020)

Представляюсь, я — научный руководитель широко известной в узких профессиональных кругах и старейшей в России инсинераторостроительной компании, кандидат технических наук, автор патентов, учебников и проч., проч., проч. Естественно, все эти «проч.» у меня в своей области — инсинераторостроение. Когда-то я был генеральным директором этой своей компании, но это работа для молодых. Устал, загнался, подорвал здоровье и теперь занимаюсь только наукой и консультированием.

Про отрасль обращения с отходами и ее болячках я знаю всё. Собственно, я и есть эта отрасль в её очень важной и значимой части — инсинераторостроении. Что такое инсинератор? Потом расскажу. А пока вот вам упражнение на технику речи:

«Российское инсинераторостроение гордится своими инсинераторостроителями и инсинераторостроительницами!»

Кто сможет такое произнести быстро, с выражением и три раза подряд, как я, а-ха-ха?

Про деньги

Я тут подумал... что раз теперь, с помощью настоя из моей шаманской мексиканской травки Калея Закатечичи, я могу посещать различные времена в ОС — осознанных сновидениях... то, попросту, в них обогащаться, как все попаданцы, мне не очень интересно. Не в смысле, что мне деньги не нужны, они всем нужны. А в смысле, что мне не интересно зарабатывать деньги как цель. Собственно, я всегда так и жил. Без рябчиков и ананасов в юности, но учился, учился и учился. А потом выучился и на всё сам себе заработал.

В общем, на относительно комфортную жизнь и что оставить детям у меня есть. То есть в олигархии я не стремлюсь, мне и так хорошо. Тем более, что судьба многих олигархов печальна. А почему? А потому, что деньги сами по себе счастья не приносят, а уж деньги как цель...

И тут вот в чём дело...

Про смертные грехи

У различных религиозных конфессий есть свои рейтинги смертных грехов, это только у православных все грехи одинаково смертные, кроме непростительного. Они похожи, но у иудеев на первом месте — жадность, а у других конфессий это «отрицание Бога» — непростительные грехи. Нюанс в том, что зарабатывание денег как таковое иудеи грехом не считают. Иудею нужно есть, пить, и для этого нужны деньги. Но вот когда иудей в процессе зарабатывания денег переходит некую черту и начинает связывать свое благополучие только с деньгами, а это и есть жадность, он тем самым отрицает Бога.

И это уже никак не отомлить, и ни один священник «отрицание Бога» в любой конфессии не отпустит, даже папа римский или патриарх. Поэтому если ты бездумно назвал правоверного иудея «жадиной», он запросто может и убить, ибо ты безосновательно обвинил его в непрощаемом грехе — отрицании Бога.

Вот такая философия. И я ее поддерживаю, хотя и не иудей. Кстати, папа римский совсем недавно своей энцикликой пополнил католический список смертных грехов «загрязнением окружающей среды». То есть загрязняешь среду не по делу, значит, смертно грешишь! Вот так!

Про отходы

А чего же я хочу, получив возможность деятельно влиять на настоящее через корректировки прошлого?! А хочу я СПАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОТ ОТХОДОВ! Именно так! Спасти. Человечество. От отходов. Пока оно само отходами не стало!

Именно об этом мечтал академик РАН Леонид Абрамович Вайсберг, мой старший друг и учитель, светлая ему память! Так я и буду делать — и денег заработаю, и человечество спасу! Мы вместе с ним спасём!

* * *

Сегодня экологические проблемы человечества уже страшнее голода и войн. И виной всему — отходы! Полигоны, свалки, шламонакопители, терриконы, отвалы, «Черная дыра», «Красный бор», «Усольехимпром», «Фенольное озеро»... И конца этому «милому» списку нет.

Как бороться с отходами, толком не знает никто, нас просто этому не учили. И, увы, не учат. А потому, что негде и некому!

Есть большие задачи и большие деньги для их решения. Но большие деньги эффективно осваивают «эффективные менеджеры», а задачи... Задачи остаются! И снова требуют денег для их решения. Примеров тому тьма. Даже кого-то иногда сажают.

А отходов всё больше и больше!

Про экологию

Есть прекрасные люди, называющие себя экологами. Их довольно много, и у некоторых даже есть университетские дипломы, где так и написано: «эколог» или «инженер-эколог». Эти прекрасные люди изучают и отправляют «экологию». И всем говорят, что это такая наука. Но простите, какая же это наука?!

Сегодня любой ребенок в детском саду, осознав, что фантики от конфет нужно бросать в урну, а не просто на пол, уже называет себя экологом. А одна о-очень ответственная начальница от экологии так и говорит в каждом своем выступлении: «Экология — это дело каждого!»

Представляете, если бы математика, физика или любая другая наука была бы «делом каждого»? Вот и я не представляю. Напоминает незабвенное ленинское: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством!»

Кроме того, любая наука зиждется на великих именах, которые её создали и развили. А где эти великие имена в экологии? «Заслуженных экологов» множество, а великих — ни одного. Разве что Грета Тунберг, а-ха-ха!

А где кандидаты в доктора «экологических наук»? Нетути!

А значит, экология — это всё что угодно — эгрегор, движение, партия, секта, религия, фетиш, состояние души, но никак не наука! Да, экологические аспекты есть везде, в любом деле, но это аспекты, а не сама наука.

А отходов все больше и больше!

Однако что-то в этой фразе есть! Бодрящее такое, объединяющее, правильное — покатайте на языке:

«Экология — это дело каждого!»

Даже на «скрепу» тянет. Да Бог с ней, с наукой, но сам-то лозунг ничего так, круто замешан! Напоминает, по ощущениям, «Даёшь!» и Павку Корчагина. Запомню-ка я его, глядишь, и пригодятся он мне в 1975 году.

Про «зелёных»

Есть «зеленые». Они, как и все люди, тоже хотят жить в чистой среде. Но в массе своей они фанатики, и экология их фетиш, религия. В практическом смысле толку от них почти никакого, только мешают, но шума, крика и агрессии... Эх-х, их бы энергию да на доброе дело! Помню, как они приковались наручниками к батарее у

меня в кабинете и сидели так до вечера. А я их чаем поил. Потом, когда отковались, мы поговорили. Хорошие люди, кстати, и идеи у них правильные, чего приковывались-то? А потому, что, цитирую:

«Зелёные», они ведь разные. Как верующие. Есть зеленюватые, салатные, все оттенки, а есть кислотные», — так говорит мой друг из Коломны, «зелёный» со стажем Дмитрий Соломевич.

А отходов всё больше и больше!

Про технологии

Есть технологии. Каждый год по новым «отходным» технологиям защищается множество кандидатских и докторских диссертаций. Ладно кандидатских, считайте, авансов молодым учёным... Докторские же защищают, т.е. «научные открытия и новые направления в науке»! И где они?! А нетути! Значит, что-то не так и с этими технологиями!

А отходов все больше и больше!

Про специалистов

Со специалистами вообще катастрофа! Ни од-но-го! Не шучу. Сегодня ни один российский университет, проверьте, не выпускает специалистов по обращению с отходами, только «экологов». И у Росприроднадзора (РПН) нет опорного профильного вуза. У всех ведомств есть, а у РПН нет, и там работает кто угодно — прокурорские, юристы, экологи, химики, физики, лирики... Все, кроме профильных дипломированных специалистов! Большим начальникам в стране даже некому подсказать, что нужно делать? Что хорошо, а что плохо? Элементарно, чем отличаются отходы от мусора, и то не знают! А уж «горение» от «сжигания» отличить... А почему так?

Да прохлопали проблему. Дождались, пока свалки в окна полезли, и сейчас мечемся как мыши под венником. Или тараканы? В общем, мечемся. Бессистемно.

Ха-а! А теперь попробуйте эти простейшие тезисы довести до наших уважаемых чиновников и не менее уважаемых представителей вузов. Крику-то будет! Да мы! Да у нас!

Да нет у вас ничего полезного! Ни-че-го!

А отходов всё больше и больше!

* * *

В 1975-76 годах, на пике развития советской власти, экологической повестки в стране не было вовсе. Кроме пророческих предостережений двух великих академиков — Аганбегяна и Моисеева. Их не услышали! Поэтому именно в эти годы была заложена проблема. Страна тогда развивалась по принципу:

«На фиг индукцию, даёшь продукцию!»

И давали! Да ещё как! А ядовитые отходы производства и потребления складывали в кучу, дескать, потом с ними разберемся. Не разобрались! А это «потом», увы, неизбежно наступило.

Мой суперплан!

И я решу эту проблему! Времени у меня теперь хватит. Даже если помру во времени здесь, юный Леня Вайсберг во времени там закончит. И я, и он знаем, как и что нужно делать! Сформулировать доктрину. Сформировать отрасль. Обучить и вырастить специалистов. Изобрести и отработать эффективные и высокодоходные технологии. И делать это постоянно!

(РЭО, ФЭО и «РТ-инвест» — к черту! Их я образовывать не буду, деньги на ветер).

И всё это «во имя будущих поколений при коммунизме»! Хорошо сказал?! Кто в 1975 году попробует этот посыл опровергнуть или саботировать? Правильно, никто, особенно если генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев в своем докладе на XXV «экологическом» съезде КПСС в 1976 году все это провозгласит. Экологию, как новую скрепу человечества и национальную идею СССР! И эту часть доклада я ему напишу доходчиво и подробно, будьте уверены.

Вот и весь мой суперплан, если коротко.

Но для всего этого очень нужны деньги! Много денег! И я их заработаю, всем хватит! Открою любую книжку про попаданцев и прочитаю, как это сделать. Вариантов море!

Ах-х, да, инсинератор — это устройство для обезвреживания (уничтожения) особо опасных отходов термическим способом. Каких, не скажу, а то не уснёте. В общем, особо опасных!

Вот такая была экология

До сорока собственных лет я и знать не знал, что такое экология! А уж чтобы самому стать экологом... Но человек предполагает, а Бог располагает.

Моё знакомство с экологией началось с того, что существовавшее тогда федеральное Министерство от экологии попросту ликвидировали, и мне довелось принимать в этом деятельное участие. Это произошло сразу после знаменитой фразы верховного главнокомандующего по телевизору:

— С такими экологами мы никогда ничего не построим!

Это когда оборзевший в корягу тогдашний министр от экологии под камеры поправлял верховного, что вот здесь газопровод строить нельзя, а можно во-о-он там, левее.

Так вот, когда начали разбираться с функциями и активами одноmomentно упраздненного ведомства, выяснилось, что функций как таковых, кроме надувания щёк, у него и не было, но был один очень интересный актив — «Федеральный экологический фонд», куда от всех юридических лиц страны поступал т.н. «экологический налог», если не ошибаюсь, около 1% от оборота, который потом попросту делился промеж своих. Естественно, кокнули и этот фонд, и этот налог. Но каковы были проныры, кто это всё сумел придумать и организовать! Их так и не посадили до сих пор.

Вот такая тогда была б экология!

Всё, что осталось от Министерства от экологии передали в другое министерство. Кое-как хватило на департамент, да и то потом половину сократили за ненадобностью. Но тамошнему министру было не до экологии, да и вообще не до чего. Он выпивал. С ним выпивали и его заместители, и простые чиновники министерства. Не с ним конкретно, а вообще. В министерской столовой тогда стояла пивная стойка с двумя кранами, так что разливное пиво в обед чиновный люд пил легально.

Дальше уже надирались кто как мог. Это было просто! Прямо на выходе из министерства чиновников караулил гостеприимный узбекский ресторанчик «Киш-Миш» с умеренными ценами и отличной кухней. Зарплаты у чиновников тогда были мизерные, не как сейчас, но на вышивку хватало. Кроме того, можно было позвонить вниз, в столовую, и прямо в кабинет тебе приносили шикарную закуску, а с утра пораньше забирали грязную посуду и пустые бутылки. Могли накрыть и в кредит, если трубы горели, а денег не было.

Кстати, вышивку крепче пива никто не покупал в магазине. Её, в основном виски, всегда приносили просители. Вот даже сейчас загляните в шкаф любого чиновника в должности от начальника отдела и выше, и вы поразитесь невиданному количеству редких односолодовых сортов виски. Традиции-с, однако!

Просители просили разное и важное. Так, например, один директор министерского подведа из Иркутска жаловался на местную судмедэкспертизу, которой три года назад он сдал в аренду (естественно, без разрешения министерства и Госимущества) огромные площади, а тот директор этому за аренду не платил. Он вообще ни за что не платил, даже за свет и коммуналку. Тогда этот директор написал тому директору претензию, которую тот вернул с резолюцией: «Прочитал, рыдал и плакал, рубашку рвал и пуп царапал!» Число, печать, подпись, всё чин по чину.

И в своей жалобе этот директор просил министерство разобраться и того директора наказать. Но не на тех напал! В министерстве в то время служил один пройдоха-замминистра, который разработал универсальную формулу для ответов просителям. На абсолютно любую просьбу он никогда не отказывал и отвечал всегда одинаково: «В установленном порядке!» Что это за «установленный порядок», было уже не его заботой.

Вот такая была б экология!

* * *

Следующий министр был похож на злобного гнома. Досушие женские языки болтали, что с такой большой лысой башкой без шеи и на коротком теле он был похож на ... ну, вы поняли. Ему тоже было не до экологии, он боролся с... мухами!

Окна его кабинета выходили на слоновник зоопарка. Хотя целый день, раздвинув шторы, отсюда можно было наслаждаться редким зрелищем, как маленькие слонятки весело играют и жуют заготовленные для них веники. Но проклятые мухи, несмотря на дорожный ремонт, непроницаемые окна и автономную вентиляцию, как-то всё равно в кабинет министра просачивались. Немного. Но из-за этих мух уволили начальника АХО.

Он приходил за час до начала рабочего дня и с мухобойкой в руках полностью зачищал кабинет министра, кончая просочившихся за ночь мух. И делал это весьма

виртуозно, ибо имел большую практику. Он бесшумно подкрадывался к спокойно сидящей мухе... молниеносный выпад, удар — и всё кончено. Хотя мухи, сами знаете, о-очень чувствительны.

И вот на каком-то совещании на дорогушие импортные очки министра в золотой оправе, лежащие перед ним на столе, села большая, жирная, зеленая муха и стала нагло чистить свои крылышки, при этом мерзко жужжа и издевательски подхрюкивая. И тут... начальник АХО! Молниеносный выпад, удар — и всё кончено. Ни мухи, ни очков. Ни начальника АХО.

Ещё этот министр любил организовывать заслушивания и требовать предложения от всех и вся по любому поводу. Чиновники изводили море бумаги, весь день писали отчеты и предложения, которые затем помощник министра Тихон В. собирал, упаковывал в огромный чёрный мешок и по-тихому выбрасывал на помойку. Он же Тихон, вот и по-тихому! Зато все были при деле!

Заслушивал же этот злобный гном не своих подчинённых, ему это было неинтересно, а себя. Он собирал огромные аудитории госслужащих, и если не хватало своего актового зала, то министерство на день снимало, например, крупный кинотеатр. Министр один садился за длинный стол президиума, из-за которого его было чуть видно, и начинал зомбировать зал, нудно вещая всякую фигню по 3-4 часа. Но если ему казалось, что его не слушают, он мрачно и торжественно возвещал:

— Товарищ И., выйти к президиуму! — И. выходил. — Вы уволены! Выйти из зала! Управлению кадров — выдать И. выходные документы!

И несчастный И., понурив голову, брёл через весь зал на выход, а его товарищи отворачивались от него, боясь случайно заразиться.

Когда и этого министра сняли, то за пару часов, пока в министерство ехал новый — каратист, «злобный гном» успел подписать шесть десятков лицензий компаниям своего сына на пользование участками недр, которые предназначались для крупнейших компаний страны, коим до этого он несколько лет лишь выносил мозги и вытягивал с них различные преференции. Странно, что его не посадили, а всего лишь потом отменили эти лицензии, да и то не сразу.

Вот такая была б экология!

* * *

После министра-каратиста было уже много министров от экологии, всех и не упомнишь. Но судя по делам с экологией в стране сегодня, все они бережно чтут память и традиции тех первых — поправителя верховного, пьяницу, «злобного гнома», каратиста и др.

А я после увольнения с госслужбы купил инсинераторостроительную компанию и до сих пор в ней служу. И вот здесь уже настоящая экология! Невыдуманная проблемы с чрезвычайно опасными отходами в условиях полного отсутствия теории и практики их обезвреживания. И мы их решаем. Приходится вспоминать всё, чему учили в институте и аспирантуре — химию, физику, математику, электротехнику, материаловедение и пр. Без них хороший инсинератор не сделать.

И что, я теперь настоящий эколог?! Конечно! Я часть индустрии, а где-то и сама индустрия. Ещё я поучаствовал в написании учебника «Термическое уничтожение (обезвреживание) отходов». Жаль, негде и некому по нему преподавать. Но это же пока...

Про «Римский клуб»

Об этом мне рассказывал академик Вайсберг, но о чем-то я и сам дотумкался.

Естественно, генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев в 70-х не был человеком, который бы ставил себя выше по научным знаниям и общему интеллекту, чем крупнейшие академики АН СССР Абел Гезевич Аганбегян и Никита Николаевич Моисеев. Это было бы просто нелепо. Как нелепо выглядел в 2009 году «Петрикгейт» — публичная дискуссия уважаемого политического руководства партии «Единая Россия» (ЕР) с Комиссией по лженауке РАН на предмет совместного взаимовыгодного научно-технического сотрудничества руководства ЕР с уважаемым Виктором Ивановичем Петриком. Да! Это когда Николая Коперника на весь мир определили сожжённым на костре за фразу «и всё-таки она вертится», а-ха-ха!

Тем более, что у Брежнева были другие резоны и реальные поводы собой гордиться. Многие исследователи той эпохи сходятся к тому, что за всеми пятью его золотыми звездами Героя стояли весьма достойные поводы. За те его дела, уверен, ему и сейчас бы те звёзды дали без звука, другое дело, что сейчас уже нет ни Брежнева, ни его дел. Такое было время. Эпоха великих побед и достижений. А маленькие человеческие слабости есть у каждого.

Но Брежнев был серьёзным и ответственным политиком и однозначно патриотом СССР. И в этом смысле уважаемые академики в сравнении с ним были что малые дети. Так, Брежневу, конечно же, не были «до лампочки» глубокие научные доклады академиков Аганбегяна и Моисеева об экологии, и в этом смысле он много чего тогда сделал. Об этом очень интересно и подробно пишет Юрий Шевчук в своём популярном историческом очерке: *«Среди вампиров и ёжиков. Зелёное движение в России, прошлое и современность»*, Санкт-Петербург, 2016 год.

Однако Брежнев хорошо знал, что такое «Римский клуб», на основании исследований и решений которого говорили и делали свои доклады об экологии наши академики. Ведь и сам Брежнев, а с ним и весь СССР, были для этой «сотни избранных» одной из «глобальных проблем» или «трудностей человечества» планетарного масштаба, как они называли СССР. В общем, «Римский клуб» того времени — это были нормальные антисоветчики. И всё правильно они писали про экологию, но тут же: «Страны соцлагеря необходимо вскрывать, как консервную банку — с помощью острого консервного ножа». Это как, простите? И ведь вскрыли...

А теперь поставьте себя на место Брежнева как руководителя СССР. Да он бы быстрее поверил в слова ангела древнерусских богов, он же воевал, а «в окопах атеистов нет», чем в слова врагов СССР из «Римского клуба», читай — ЦРУ. Сталин бы уважаемых академиков сразу расстрелял за такие контакты, а Брежнев вот нет, не расстрелял, но и поощрять не стал, просто проигнорировал. Добрый был человек, многие отмечали.

Про скрепу

Что же касается экологии как скрепы, читай, национальной идеи, почему у нас её так до сих пор и не нашли... Ведь у Брежнева совсем не глупые люди работали. Но почему-то они Сулова вовремя не пришли, шучу!

Ведь что такое скрепа, она же национальная идея? Это когда с этой идеей согласна вся нация! Вся, до единого человека! Это коммунизм — нет! Спорт — нет! Религия — нет! Порнография... шучу. Ну, и т.д. А вот экология, просто как желание абсолютно любого человека жить по-человечески и в чистой среде — да! И этого желают не только отдельные нации, но и весь мир! Весь, до единого человека! Конечно, за исключением буйных, которым чем хуже, тем лучше, и разных придурков.

Таким образом, вопрос с экологией как скрепой (национальной идеей), это лишь вопрос точки зрения!

Вот после революции большевики смотрели на экологию только как на средство борьбы с попами и Богом... И что? Проиграли, а институт «красной профессуры», как раз и созданный Сталиным для поиска новой скрепы, с этой задачей не справился. Впрочем, как и все его последующие реинкарнации до сегодняшнего дня — Высшая школа марксизма-ленинизма, Академия общественных наук, РАНХиГС.

А потому, что не там ищут!

Вот во всех смыслах прекрасная высокопоставленная российская чиновница от экологии, которая придумала прекрасный лозунг «экология — это дело каждого!» — что она сегодня делает для его воплощения в жизнь? Правильно, проводит детский конкурс, т.е. занимается экопросвещением, нужной, но стрельбой по площадям с дальней дистанции. Может быть, когда-нибудь это и даст результат.

А вот определила бы она экологию не как «для всех» и не как заумную науку, которой нет, а просто как желание российских граждан жить по-человечески в чистой среде... Прибавила бы к экопросвещению нормальную вузовскую систему подготовки специалистов по обращению с отходами, которых сегодня в стране нет ни одного, вот и была бы в России национальная идея, да ещё и с доктриной её развития. И кто был бы против такой национальной идеи? Правильно, никого!

Ну, может, ещё и определит... чем чёрт не шутит, как говорят в народе.

Экология по-американски

А вот у американцев всё прошло именно так, как им завещал «Римский клуб».

Именно в 1976 году, именно администрация президента Форда приняла Закон о сохранении и рекуперации ресурсов (RCRA), который до сих пор является основным федеральным законом в Соединенных Штатах, регулирующим утилизацию твердых и опасных отходов:

Конгресс принял RCRA «для решения растущих проблем, с которыми сталкивается нация из-за растущего объема муниципальных и промышленных отходов». RCRA была поправкой к Закону об утилизации твердых отходов 1965 года. Закон устанавливает национальные цели для: защита здоровья человека и природной среды

от потенциальных опасностей, связанных с удалением отходов; энергосбережение и природные ресурсы; сокращение количества образующихся отходов за счет сокращения источников и переработки; поддержание стандартов гигиены окружающей среды; обеспечение экологически безопасного обращения с отходами. Программа RCRA является совместным проектом федерального уровня и штата, при этом Агентство по охране окружающей среды США (EPA) устанавливает базовые требования, которые затем принимают, адаптируют и обеспечивают соблюдение штаты. RCRA в настоящее время наиболее широко известен благодаря принятым в соответствии с ним правилам, устанавливающим стандарты обращения, хранения и утилизации опасных отходов в Соединенных Штатах. Однако он также играет неотъемлемую роль в управлении городскими и промышленными отходами, а также подземными резервуарами для хранения жидкостей.

То есть для президента Форда слово «экология» в 1975 году уже было очень знакомо. Так, он еще в 1977 году успел принять «Закон о чистой воде». И вообще, основной пакет природоохранных законов США сложился именно в эти годы.

И если сравнивать сегодняшнее природоохранное законодательство США и западных стран с нынешним российским, по сути, это одно и то же. Только мы со своим припоздали... на полвека. Поэтому у них чисто, а у нас...

Иногда эта разница буквальна. Кто ездил зимой через любой КПП в Финляндию, могли обратить внимание на ничем не объяснимый феномен. Пока стоишь в очереди на КПП на «нашей» стороне, наблюдаешь унылый грязный снег с вкраплениями всякой гадости — банок, бутылок, бумажек и т.д. Как только переешь границу, а это буквально 200-300 метров пути по прямой, всё, снег сияет девственной белизной и ни соринки...

Ну почему так-то?!

В застенках КГБ

Итак, начали! На календаре 1 апреля 1975 год.

Я сижу на стуле, пристёгнутый к нему на-руч-ни-ка-ми! Не шучу. Чувствую, мой Миша 14-ти лет смертельно напуган и уже малость всплакнул от страха. Вот ни фига себе День смеха!

Напротив, в непосредственной близости от себя, вижу какую-то морду. Морда эта красная, с красными глазами, она шипит и плюется. Понимаю, что это человек. Он в костюме с галстуком, и мне от него преобильно прилетела хорошая такая затрещина. И уже не один раз! В одной руке у него вижу знакомый листок с печатью РОНО и моим почерком, и он тычет им мне в лицо.

— Где закладки?! Тротил или гексоген?! Сколько?! Тип взрывателя?! Кто твой куратор?! Когда и где тебя завербовали?! Какое у тебя задание?! Отвечай, гад, убью! — орет он, и я вижу, что у него в другой руке пи-сто-лет!

Над столом висит портрет Дзержинского. Железный Феликс улыбается мне одними губами, мол, не бойсь, Миша, не должны мои орлы сразу же тебя на глушняк укатать, не 37-й. А взгляд такой добрый-предобрый, как у Ленина.

Это сюрреализм какой-то! В 1975 году прикованного наручниками к стулу несовершеннолетнего школьника допрашивает сотрудник КГБ (а это, конечно же, он), размахивая табельным пистолетом! Собираюсь с мыслями и как можно спокойнее, хотя какое тут на фиг спокойствие, спрашиваю его:

— Дяденька, а вы кто?

От моего вопроса человек почему-то столбенеет, прекращает орать и подходит к столу. На столе стоит графин с водой, телефон и лежат какие-то бумаги. Человек наливает стакан воды, выпивает его, выдыхает и, видимо, хочет что-то мне сказать. Но тут звонит телефон. Человек берет трубку и четко произносит:

— Власов, слушаю! — и через несколько секунд говорит в трубку: — Есть! — идет к двери, на ходу бросая мне: — Сиди тихо, я сейчас, — выходит, и я слышу, как закрывается замок снаружи. Я остаюсь один, ничего не понимая. Скованные за спиной руки болят конкретно.

Про бомбы

Кабинет с большой приемной этажом выше. На стене портрет Дзержинского, но другой, побольше, и Феликс на нём уже не улыбается. Это приёмная полковника Антона Геннадьевича Лазарева — и.о. начальника Областного управления КГБ СССР. Сам начальник, генерал-майор, сейчас в госпитале, сказываются военные раны, и, по слухам, на службу уже не выйдет. Т.е. Лазарев встанет на его место и, естественно, вскоре станет генералом.

Власов: — Товарищ полковник, капитан Власов по вашему приказанию...

Лазарев (*перебивая*): — Ты что, Власов, ё, творишь?! Ты зачем этого пионера к нам, ё, приволок, да еще, ё, пытаешь его?

Власов: — Так ведь сигнал! Бомбы! Предотвращаю теракт.

Лазарев (*стонет, но немного успокаивается*): — О-о-о, долбоящер португальский! Поедешь, ё, на остров Александры Земли Франца-Иосифа, у белых медведиц роды охранять, ё, дежурить в тулупе и с карабином Симонова.

Власов (*уставясь в пол и чуть не плача*): — За что, тащ полковник? Я же верой и правдой, столько лет...

Лазарев (*рвякая*): — За долбоклюйство, ё, за что же еще! — и продолжает уже боле-е-менее спокойно: — Ты сам-то до конца читал сочинение этого пионера?!

Власов (*воспрянув духом*): — Нет, тащ полковник, только первый лист, где про бомбы. Там заголовок: «Бомбы замедленного действия под будущими поколениями коммунистов». И первый абзац: «Эти бомбы невозможно обезвредить имеющимися средствами, нужны специалисты, которых нет, и оборудование, которое тоже пока не изобрели». Полагаю, что под детсады и школы заложили, блин.

Лазарев: — Ясно все с тобой, Власов, и твоим агентом в РОНО. Там ещё пять страниц, которые ты у меня наизусть выучишь! И все они про бомбы, только не те, про которые ты думаешь. Ладно... все потом, быстро давай ключи от своего кабинета и наручников и сгинь с глаз моих, я сам уже с пацаном разберусь. И молись, Власов, чтобы его родители жалобу на нас не накатали в ЦК. Его сочинение уже весь райком и пол-обкома читают.

* * *

Дверь открывается, и в кабинет, где я сижу и, честно говоря, грущу, входит не его беспокойный хозяин, а высокий, худощавый и подтянутый мужчина с залысинами на голове. Я напрягаюсь! Но мужчина сразу же расстегивает мне наручники, широко улыбается и начинает говорить...

А вот и скрепа!

1975 год. Город. Это день, 1 апреля, вернее, вечер, когда я, школьник, с утра написал РОНО-вское сочинение на свободную тему «Бомбы замедленного действия под будущими поколениями коммунистов», и меня... арестовало КГБ!

Кабинет первого секретаря областного комитета КПСС, депутата областного Совета, героя социалистического труда Евгения Константиновича Филатова. В кабинете находятся двое, сам Филатов и его гость, пожилой мужчина в строгом старомодном костюме с галстуком. Хозяин и гость сидят в углу кабинета. На кофейном столике карельской березы стоят вазочки с печеньем и другими сладостями. Свет в кабинете притушен, но рядом с неспешно пьющими чай и беседующими людьми горит изящный торшер.

Гость первого секретаря — Иван Поликарпович Пичугин, старый большевик, партийная кличка «Птица», 1898 года рождения, вступил в РСДРП (б) в 1915 году в партийной ячейке рабочих шпалопропиточного завода. После Гражданской войны, с перерывом на Отечественную, до самой пенсии, считай, всю жизнь, Пичугин проработал в партийных идеологических структурах, сначала под водительством Андрея Александровича Жданова, а закончил свой трудовой путь старшим референтом идеологического отдела ЦК КПСС, который лично курирует секретарь ЦК КПСС и член Политбюро ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов. Он принимал участие в написании «Краткого курса истории ВКП(б)» и других основополагающих работ эпохи социализма.

В это время Пичугину уже 77 лет, но выглядит персональный пенсионер союзного значения очень даже неплохо, хотя и ходит с палочкой. Голова светлая. Все помнит. Нынешнего первого секретаря обкома Пичугин знает сызмальства. Крепко они дружили с его погибшим на войне отцом. Пичугин давал Филатову рекомендацию в партию и всячески способствовал его продвижению. Относится к Филатову, как к сыну, и без посторонних зовет его Евгеша. Филатов отвечает Пичугину искренней сыновней любовью, заботой и всегда советуется с ним по ключевым вопросам высших раскладов в партии.

Филатов: — Ну что, все прочитал, дядя Ваня, понял, про что там?

Пичугин (*возвращая листочки с детским почерком*): — Я-то понял, Евгеша. А ты сам-то понял, про что этот пацан своё сочинение написал? Сколько ему говоришь, 14 лет?

Филатов: — Да что тут не понять-то? Скрепа это. Национальная идея! Та самая, которую мы уже всей партией без малого 60 лет ищем. Коммунизм пробовали...

Вон, как сову на глобус, его натянули, а только против него, почитай, все остальное человечество. И своих противников немеряно. Мы им коммунизм, а они нам Христа и Божью Матерь.

Пичугин: — Ого, как ты выражаешься! Прямо как мы в идеологическом отделе ЦК в своё время... А вдруг слушают? Мне-то все равно, уже пожил, а вот тебя нам еще в секретари ЦК двигать.

Филатов: — Нет, дядя Ваня, не слушают. Еще Никитка Хрущ запретил партийную номенклатуру слушать. Да и проверяю я кабинет периодически, говори спокойно.

Пичугин: — Ты вот не знаешь, а я тебе расскажу. Что там коммунизм... Спорт! И тоже ведь он у нас на скрепу не потянул. Вроде как он для людей, но не все его любят и не все им занимаются. А уж как стали нас в него выносить... Один футбол чего стоит. Знаешь ведь, народ нас чуть не рвёт, как Тузик грелку, с этим футболом.

Филатов скрежещет зубами. Он сам заядлый футбольный болельщик и тоже считает, что из 250 млн. человек, проживающих на тот момент в СССР, уж 11 человек-то можно было бы и найти хороших футболистов.

Пичугин: — А эту «экологию» мы, считай, сами и придумали и даже пытались её использовать. Ещё в тридцатых, когда шибко с попами боролись. Сотнями отправляли их на Бутовский полигон, слышал про такое, наверное? А в жизни — они нам крестный ход, а мы им демонстрацию трудящихся. Они нам иконы, а мы им портреты членов Политбюро. Они нам «Нагорную проповедь», а мы им «Моральный кодекс строителя коммунизма», — Пичугин отхлебывает из чашки остывший чай и продолжает: — И был тогда такой академик, Владимир Иванович Вернадский, геофизик, из бывших. Со своим другом, тоже академиком, Александром Петровичем Карпинским, геологом, они, почитай, всю нефть и другие полезные ископаемые у нас нашли, вернее, указали на карте, где и что искать. И ни разу не ошиблись! И за это их не только не расстреляли и не посадили на философский пароход, а всячески возвеличили. Сам Сталин в 1936 году Карпинского хоронил и шибко убивался на могиле, — Пичугин ставит пустую чашку на столик. — Они чудные, эти академики. Обычная картина мира их не устраивает, и они, через одного, к старости начинают придумывать свою. И Вернадский свою придумал. Сильно его свои же за нее били. А он уперся. Нет, говорит, все так и есть: «Вот биосфера, техносфера и ноосфера, а Бога нет!» Тут уж и мы не сплеховали. Вот, говорим, товарищи верующие, всемирно известный академик Вернадский утверждает: «Бога нет! А потому, что экология». Сам термин «экология» мы у какого-то немца-дарвиниста скоммуниздили, Гаккеля... по-моему. Также безбожник был. Он что-то про живое и неживое мороковал в журналах... ну, и сослался в одной своей статье на биосферу. Вот так мы их и поженили — экологию, Гаккеля и Вернадского. Владимир Иванович потом долго на нас булькал... ну, при чем здесь он и экология? Но Андрей Александрович Жданов ему тихонечко так объяснил, мол, так надо, будете теперь символом, дорогой товарищ Вернадский, основателем новой науки — экологии. Про то, что Бога нет! Тот плюнул, но заткнулся. «Урановым проектом» занялся. Да, только мы тогда на это своё детище однобоко, с точки зрения борьбы с попами, смотрели, которых, мать их, так и не победили. А пацан-то, видал, как всё развернул? Это, Евгеша, не просто скрепа, это суперскрепа! Вот скажи, Евгеша, найдется хоть один, что у нас, что у них за кордоном, кто против того будет, что пацан написал? Будь он коммунист или поп, спортсмен или забулдыга, русский или американец?

Филатов: — Не-е-ет, пожалуй... Таких не найдётся.

Пичугин: — Во-о-от! Короче, надо к Суслову и Брежневу ехать в ЦК. Они ребята не дураки, этот алмаз в такой бриллиант огранить могут, что ни одна сявка не вякнет! И все под мудрым водительством партии. Смекаешь?

Филатов: — Вместе поедem, дядя Ваня! Только давай сначала, не торопясь, месяцок-другой с пацаном поработаем, может, он ещё чего умного скажет. Ну и покумекать нужно, что бы нас с тобой от этой экологии в ЦК не оттерли. Они могут, сам знаешь. Ой, непростой это пацан, ой, непростой, чуёт мое сердце. Может, слышал, что давеча у нас «явление Богоматери» было в Ленинском районе? Так это он, пацан этот, пятьдесят тысяч рублей в Спортлото выиграл, а все подумали, что к нему Богоматерь приходила и номера дала. Мутная какая-то история, чертовщинкой отдаёт.

Пичугин: — А где сейчас этот пацан?

Филатов (*улыбаясь*): — Да дома сидит, отходит от ареста. Мне когда сегодня его сочинение принесли... «Теракт, теракт! — кричат. — Детсады и школы, коммунистов будущих взрывать будут!» Я как его прочитал, сразу все понял и за тобой послал, а пацана, оказывается, уже в областное КГБ забрали, умысел на теракт всю подводят, представляешь?! Это они только первую страницу его сочинения прочитали и понеслись его арестовывать. Так-то, может, и хорошо. Зато сразу ко мне его сочинение принесли, теракт штука серьезная, не дай Бог! — быстро крестится, оглядываясь вокруг. — Звоню полковнику Лазареву, начальнику областного КГБ, кричу ему: «Если

хоть один волос у пацана с головы упадет, погоны с тебя сниму!» Тот проникся. Ну, и выкрутился, конечно. Он такой, Антон Геннадьевич, всегда выкручивается.

Пичугин: — И как же он выкрутился в этот раз?

Филатов: — А он зашел в допросную, выгнал опера, который пацана кошмарил, расстегнул наручники и говорит ему: «Ну вот, Миша, теперь и ты пороха понюхал! Знаешь, как пионеров-героев во время войны фрицы пытали? И они все равно ничего им не сказали. И ты ничего не сказал, молодец! Это проверка была, Миша. Вот, тебе, Миша, вымпел, а вот значок «Юный чекист», носи гордо, заслужил! А в школе и родителям скажешь правду, что это так тебя возили в «юные чекисты» принимать. Сейчас на моей «Волге» с сиреной и мигалкой поедом к тебе домой. Я сам с твоими родителями поговорю, поздравлю их с таким сыном.

Пичугин: — А-ха-ха! Ой-й, не могу! Так и сказал?! Ну Лазарев, ну молодец, опять выкрутился!

* * *

А я... до сих пор думаю, правильно ли я сделал, что в 1975 году написал школьное сочинение «Бомбы замедленного действия под будущими поколениями коммунистов», конечно, имея в виду отходы. Посадить ведь могли, но вроде пронесло.

Опять «зелёные»

Забегая вперёд... Нужно отметить, что все советские люди впоследствии встретили решения XXV «экологического» съезда КПСС с большим энтузиазмом! Ну как же... народу была явлена скрепа, объединившая в своих сокровенных чаяниях всех до единого — взрослых и детей, верующих и атеистов, ментов и бандитов. Тем более, что эти народные чаяния: «Жить как люди, а не как свиньи!» — хоп, и стали исполняться в натуре: кто работает и служит — пожалуйста, достойная зарплата и жильё! Кто хорошо учится — пожалуйста, нормальная стипендия и комната в общежитии на двоих, а то и на одного! Пенсионерам и инвалидам — пожалуйста, справедливая пенсия и пособия не «на отвали»! И даже кто ворует — пожалуйста, новая комфортабельная тюрьма «Кресты-2» в Колпино со своей дезкамерой в каждом отсеке!

Понятно, что при таком раскладе появилось множество активных, но ничему не обученных людей, желающих помочь своему любимому (не шучу!) государству в реализации всего, что связано с экологией.

Кто-то захотел учиться на «советского супергероя»... Так тогда народная молва обозвала выпускников новой престижной университетской специальности «обращение с отходами». Но скажем прямо, не всех туда взяли, слишком это сложно, химия, физика, математика, и учиться в школе нужно было на одни «пятёрки»!

Кто-то записался в эко-дружину СССР, но и там всё строго и только для физически крепких и морально устойчивых, да ещё и по рекомендации уже вступившего в эко-дружину эко-дружинника.

И вот куда пойти, скажем, совсем ещё молодой и крепкой пенсионерке, чтобы проявить, так сказать, и помочь? А некуда! Не в футбольные же фанаты, а-ха-ха?!

И стали эти молодые крепкие пенсионерки, а вместе с ними и молодые крепкие пенсионеры, инвалиды, учащиеся ПТУ, домохозяйки и другие эко-воодушевлённые граждане, самоорганизовываться. Так, например, появились самоорганизовавшиеся территориальные группы эко-общественности «За экологию Тосно!», «Домохозяйки Бердска за экологию!», «Я — эко-народ!» и множество других.

Власти всю эту самоорганизованную эко-общественность любят и шибко поддерживают — выделяют помещения, связь, предоставляют большие залы для конференций, подкармливают самозванных главарей. Вроде всё по скрепе: «Экология — это дело каждого!» Эх, знали бы власти, что из этого подкармливания получится... утопили бы всех этих главарей в ядовитых картах спецполигона «Красный бор» ещё до их рождения!

Не знали! Не утопили! Вот и огребли...

* * *

У «зелёных» тоже так было сначала, активные граждане сами себя назначали их главарями. И ведь пролазило! И беда в том, что в СССР 1975 года, когда бизнес-возможностей было мало, на общественную работу шли талантливые. Это сейчас, когда появилась масса бизнес-возможностей, общественниками становятся лишь ленивые и бездарные. Но тогда такие проныры появлялись. День за днём и шаг за шагом, поняв, что с ними считаются, что всюду уважуха к мнению общественности, главари «зелёных» втихомолочку стали пошалить:

— Здесь строить нельзя!

- А почему, собственно?
- А тут мы живём!
- А где же строить, по-вашему?
- А где хотите, а здесь не дадим!

И не давали! И в итоге страна получила тысячи безграмотных в экологическом смысле активистов, но ушлых и наглых отморожков, таких – «в каждой эко-бочке затычка». И в массе, увы, корыстных! Много их побили и пересадили за шантаж предпринимателей по тяжёлой статье УК «вымогательство»:

- Тут строить нельзя, а дадите нам денег, будет можно!
- Не хотите про себя ругательную статью в газете – давайте деньги!
- Эта ваша технология плохая, а вот та хорошая!

Принципиально неверные решения заседаний, слушаний, народных сходов и собраний, безграмотные оценки рисков, самодельные общественные экспертизы и т.д. – вот их «работа». В общем, кто во что горазд!

Чиновники, и сами безграмотные в массе, не спорили, а попросту выделяли деньги под эти решения. И, бывало, садились в тюрьму. А потому, что за эти деньги несли персональную ответственность, в отличие от главарей эко-активистов, которые ничего не несли, но брали.

Один раз за вымогательство посадили даже семидесятилетнего члена-корреспондента Академии наук с птичьей фамилией. Он требовал миллион долларов за, ни много ни мало, изменение отношения науки к мусоросжиганию! И ничему их пример Министерства от экологии не научил, а быстрее забыли... память-то девичья.

Так и пролюбили полбюджета страны на экологию! Очистные на Волге, на Байкале и др. И вернуть эти деньги уже никак! Нужно разбираться с каждым таким объектом, что там можно исправить. А то и принимать непопулярные решения – ломать всё, на хрен, и строить заново! Американцы, кстати, так и делают. И это радует, не только у нас проблемы с «зелёными». Одна несчастная больная девочка на трибуне ООН чего стоит: «Вам нечего жрать?! А нам нужен чистый воздух!» И ничего, её слушают...

«Красный бор» – всё

Предки были далеко не дураки, и среди них были очень хорошие гидротехники! Проектируя спецполигон «Красный бор» в 60-х годах прошлого столетия, они исходили не только из того, что место для полигона выбрано в районе выхода на поверхность якобы непромокаемых синих кембрийских глин. Ещё они исходили из основ гидротехники. Поэтому спецполигон был задуман не как обычная свалка, а как сложная система гидротехнических сооружений со специальной функцией – хранение чрезвычайно опасных отходов I-II класса опасности в виде солей, кислот, электролитов и любых других жидких и сыпучих отходов. Лишь бы эти отходы были тяжелее воды и при смешивании с оной расслаивались, а не образовывали ядовитых соединений и газов.

Именно поэтому в составе полигона и предусмотрены: глубокие открытые карты для хранения таких отходов; обводный канал с шандорой; площадка «самоваров» для борьбы с переливами; очистные сооружения. Это, как, простите за сравнение, хороший унитаз, в котором, из-за присутствия воды, ни дерьма не видно, ни запаха его не слышно.

Но чья-то здравая идея – надёжно укрыть в картах опасные отходы под слоем халявной снеговой и дождевой воды «с неба», которая, как известно, и особенно с весны, любую «чашку» наполнит и любую дырочку найдёт, – разбилась о суровую правду жизни. «Регламент эксплуатации» на полигоне или не видели, или потеряли, даже ещё не запустив этот самый полигон в эту самую эксплуатацию. И очень скоро спецполигон стал представлять из себя зловонную и запущенную ядовитую помойку.

В специально спроектированные и с большим трудом за большие деньги построенные карты глубиной с десятиэтажный дом много лет валили всё подряд и без всякого учёта – бочки, шины, остатки нефтепродуктов, хлорсодержащие удобрения, банки из-под краски.... А в мелкие траншеи, например, задёшево зарывали экскаватором-петушком инфицированные медотходы. Самоубийцы, блин!

Несмотря на строгий законодательный запрет на трансграничные перемещения отходов I-II классов опасности, эти отходы везли на «Красный бор» со всей страны! По договорённости (кого с кем?!). Однажды даже приняли чистый хлор, но с перепуга закопали его поглубже, прямо в герметичных металлических капсулах.

Я был лично знаком с директором – кандидатом технических наук Т., ныне покойным, и практически со всеми последующими директорами «Красного бора» и курирующими их городскими чиновниками. Увы, никто из них не был гидротехником... и смысла устройства спецполигона как многоэлементного гидротехнического объекта

не понимал. Вообще! Ямы да ямы!

Отсюда — бесконечные обваловки карт и воровство, воровство, воровство! Но эти люди, даже садясь в тюрьму и умирая, считали предков дураками! Вот как!

А знаете, с чего многочисленные директора спецполигона начинали свою трудовую деятельность, получив назначение? Всегда и все! Правильно, с укрепления военизированной охраны, дополнительной обваловки карт и поиска документов — всех — бухгалтерских, проектных, эксплуатационных...

Охрану (от кого?!), да, укрепляли, даже закупили новомодные летающие «дроны» с телекамерами. Обваловку карт, да, делали (интересно, а зачем?), частенько садясь в тюрьму за «откаты»! Крайнее, даже накрыли самую большую карту плавучими щитами, а сейчас их ещё устанавливают по периметру спецполигона. За очень дорого! Для красоты, что ли?! Воде-то по фиг все эти их щиты, она дырочку всегда найдёт...

А вот документы, нет, ни разу не находили. Да и как их найдёшь, если в конторе спецполигона то обыск, то выемка документов! А менты, они такие, бумаги забирают быстро, а отдают медленно, а иногда и вообще не отдают. В общем, документы всякий раз как в воду канули, если, конечно, можно назвать «водой» вонючее содержимое карт полигона. А как можно было его назвать?! Для ответа на этот вопрос за большие бюджетные деньги всякий раз заказывались «научные исследования», отчёты о которых, если не были случайно опубликованы, также благополучно исчезали при очередной смене директора и/или курирующего его городского чиновника.

Ещё вокруг «Красного бора» за много лет сформировались группы т.н. «общественников», возглавляемые своими авторитетными и крикливыми главарями, которые тоже получали свои дивиденды от того, что полигон был, — «правильные» голосования населения, они без «плюшек» главарям не обходятся.

Ладно, не буду утомлять читателя жуткими подробностями бесславного пути спецполигона «Красный бор». Пусть об этом напишет тот, кто практикует в изложении теги: # коррупция # насилие # мерзость # пожары # воровство # тупость чиновников # взятки # гибель людей # тюрьма и т.д. Расскажу лишь о том, как полигон рекультивировали.

* * *

Спецполигон «Красный бор», учитывая его родовое гидротехническое происхождение, ликвидировали гидротехники, вернее, мелиораторы, рука об руку с инсинераторостроителями. Это они хорошо умеют «обнулять» большие водоёмы — озёра, пруды, болота и др. Видели, как они это делают?!

Ставят на берегу, например, озера, плавно переходящего в болото, мощный насос или насосы и начинают выкачивать из того озера воду. Например, в какую-нибудь симпатичную речушку неподалёку, а то и прямо на рельеф. Но не абы как, а по правилу: «Сколько воды из того озера достали, столько инертных туда и положили»!

Прямо сразу! Выкачали, например, 10 кубических метров воды, тут же сыпят с берега 10 тонн песка, реже — глины. А то пойдет дождь, и все напрасно, опять тот же объём воды качать. Или уйдут в зиму, а весной спокойно продолжают, не переделывая!

Сначала пересекают озеро широкой, насыпанной сверху дорогой. Для этого у них есть песок, самосвалы и бульдозеры. Образуется уже два озера, поменьше. И в каждое ставят по насосу. И засыпают, засыпают... откачивают, откачивают... Ржут озеро такими дорогами на сектора, как торт, по 2 сектора, по 4, по 8... сколько нужно, одновременно откачивая их до лужи. А потом эти пустые мелкие сектора просто засыпают песком. Или даже без секторов, просто идут фронтом с одного берега на другой. И всё, нет озера!

* * *

В случае карт «Красного бора», заполненных жутким химическим коктейлем II класса опасности, ни в ближайшие овраги, ни в канализационную городскую систему, конечно, ничего уже не сливали!

Эта, к счастью, неудавшаяся экологическая диверсия, а именно — слив одного миллиона кубических метров жидких отходов II класса опасности из 65 мелких карт полигона «Красный бор» на рельеф и в городскую канализацию при их «рекультивации» землёй, камнями и палками, — уже навечно записана за покойным директором полигона Т. и его так неожиданно утонувшим на рыбалке городским начальником Г. Земля им стекловатой! Именно они давали команду и деньги на эту операцию против миллионов своих земляков, мирных советских горожан! Знает об этом РПН? Да, знает! И в его учёте до сих пор этот миллион кубов стыдливо числится. Неправильно, мол, тогда рекультивировали эти карты. А там уже дорога на месте этих карт, машины ездят! Вот так учёт... плюс-минус миллион кубов яда!

«А как же тогда смету считать на рекультивацию?!» — спросите вы и будете

совершенно правы! «Да фиг его знает!» — отвечаю я и тоже буду прав!

Воистину, город на Неве — Герой! Его Гитлер не смог погубить, и кандидатам наук Т. и Г. это тоже не удалось! Спасибо Феликсу Владимировичу Кармазинову — руководителю Горводоканала, спасителю нашему, ныне покойному, спас город от отравления! Спасибо герою-пожарному, который погиб при тушении очередного пожара на вконец загаженном спецполигоне, когда летом весь город три дня задыхался в ядовитом химическом дыму! Низкий поклон городским пожарным, что ценой жизни одного из них, но потушили, спасли городских астматиков от лютой муки!

Кстати, за ту эко-диверсию с пожаром полигон был оштрафован РПН! Да-да, аж на 20 тысяч рублей! И с виду суровая женщина, местный природоохранный прокурор, на вопрос журналистов: «А почему так мало?» — мило ответила, прямо глядя в телекамеру: «Всё по закону, таков расчёт!»

Специалисты-энтузиасты пересчитали. А ведь должны быть миллиарды! Думаю, был бы полигон частный, ему предъявили бы именно эти миллиарды рублей штрафа. А так, чиновники же, все свои, рука руку моет.

Но это опять меня не туда понесло... не буду про плохое!

* * *

К тому времени профессор Кофман уже изобрёл свои мобильные циклонно-вихревые топки (ЦВТ), похожие на турбины самолётов и предназначенные именно для экологически безопасного уничтожения жидких и высокообводненных отходов, в т.ч. и II класса опасности, с производительностью 10-15 кубометров в час. Несколько полноразмерных инсинераторов с такими ЦВТ в 40-ft «морских» контейнерах ISO привезли на площадку штатных «самоваров» полигона, и они, собственно, откачали и экологически безопасным термическим способом уничтожили ядовитую воду и илы из карт, обеспечив успешную параллельную работу мелиораторов.

Когда на тридцатиметровой глубине обнажилось заиленное дно самой большой карты и стали видны торчащие из ила разломанные велосипеды и железные конструкции неясного происхождения, туда же обрушили многочисленные постройки полигона, весь металл из которых предусмотрительно срезали и отвезли на рынок. И всё засыпали песком! Почти 30 метров глубины, это очень большой слой! Даже атомщики свои радиоактивные отходы закапывают не так глубоко. А на песок насыпали и укатали полуметровый слой земли, а уже на ней раскатали рулонную траву. Всё!

Теперь пионеры каждый год высаживают на этой поляне деревья. Много. Говорят, здесь будут делать городской парк.

А 65 мелких карт трогать уже не стали, всё равно опасных отходов в них уже нет, слили. И дорожку над ними оставили, только заасфальтировали.

Сиди тихо и слушай!

1975 год. Москва. Буфет-холл на 3 этаже основного здания Совета министров СССР. За чайным столиком, уставленным чашками чая и блюдами со сладостями, расположились с бумагами: Тарасов Александр Михайлович, 64 года, министр автомобильной промышленности СССР, депутат ВС СССР, кандидат в члены ЦК КПСС; Ломако Петр Фадеевич, 71 год, министр цветной металлургии СССР, в юности — политкомиссар отряда по борьбе с бандитизмом в Краснодарском крае, Герой социалистического труда, имеет 7 орденов Ленина.

Ломако: — Ты почитай, Александр Михайлович, почитай, что этот пионер у себя в сочинении, которое нам раздали, понаписал. Ты посмотри, какие кределябры он там на глаза наворачивает... «Судьба человечества», «высшая цель»... А на деле, ты знаешь, что у него написано? Не понял? Так он ведь чёрным по белому пишет, что нам нужно уничтожить тяжёлую и химическую промышленность, черную и цветную металлургию, которую создавал народ! Видите ли, предприятия загрязняют окружающую среду. Их, видите ли, нужно или закрыть, или «модернизировать». И лёгкую промышленность, и ещё ряд других отраслей. А ведь это удар и по Советской армии. Удар по обороне страны. И я вот тут подумал... а не является ли этот милый мальчик Миша завербованным сотрудником ЦРУ? И ответа найти так и не смог. Все, буквально все его новые идеи идут вразрез с интересами нашего государства!

Тарасов: — Тише, Петр Фадееч, тише, уши везде! Я вот что тебе расскажу. Я вчера ездил в ЦК. А там появился новый секретарь по экологии. Филатов. Женя. Евгений Константинович. Ты его должен помнить по своим предприятиям в области, где он первым секретарём в обкоме партии сидел. На крайнем пленуме его в ЦК ввели.

Ломако: — Помню, конечно. И что Филатов?

Тарасов: — Так вот. По слухам, Филатов сейчас Брежневу в доклад на съезд

огромный кусок пишет. Нашли они всё же ту скрепу, — оглядывается по сторонам. — «Экология — это дело каждого!» называется. Вот этот милый мальчик Миша и нашел. Вот оно как! А под скрепу, сам знаешь, если что не так, и нас с тобой... и всех остальных... Вжик, и нету!

Ломако: — Де-е-ела! Спасибо, что предупредил. А я уже, грешным делом, хотел к Андропову идти... Вот он бы меня и встретил! Без него-то точно всё это не обходится. А деньги-то где брать на всю эту, как её... экологию?!

Тарасов: — Расскажут на съезде, думаю. Сиди тихо и слушай. Хлопать не забывай. Первый раз, что ли? Забыл, кто при хозяине выжил? Тот, кто сидел тихо и слушал.

Ломако: — Ну да, ну да...

Так победим!

1975 год. Новёхонький авиалайнер ТУ-154 летит из Москвы в город. Спецсалон для начальства. После встречи с Брежневым все воодушевлены. Не каждый день с главой государства накоротке в бане париться у него на даче, ох-х, не каждый! Не поверит же никто, такое рассказать... Теперь у нас всё получится! Правда, Мише пришлось рассказать, что в нём сидит взрослый дяденька из 2020 года, но это никого не удивило! Подумаешь... Главное, стране польза! И партии!

«На ход ноги!» «Что бы число взлетов равнялось числу посадок!» Всё новые и новые тосты произносятся один за другим. Водка «Московская особая» из зернового спирта, двойной перегонки, с винтовой крышкой. Коньяк «КВ». Свежеотжатые соки. Минералка. Чай с лимоном... Закуска тоже мировая!

Экипаж и девчонки-стюардессы сами из города, поэтому для веселых земляков-начальников расстарались особо — свежайшая тройная уха на сливках, рыбная нарезка со слезой из стерляди, муксуна и нельмы, колбаска домашняя и финский салами, расстегайчики с мясом и куриными потрошками, свежие овощи с переливающейся перламутром зеленью, соленые груздочки и опята, м-м-м! Неплохо жили руководители-коммунисты в СССР!

«За Партию!» «За Леонида Ильича!» «Междушную!»

Крайний тост — «междушную» — дореволюционному Пичугину пришлось пояснять для своих более молодых товарищей. Оказывается, в старину, когда провожаемому гостю закидывали через спину лошади вторую ногу, и гость как бы уже сидел на лошади весь... то полную рюмку для него ставили между ушей лошади, поэтому и «междушная». Смешно! И я небезосновательно рассчитываю на продолжение доверительного разговора с участниками московской встречи в верхах. И не ошибаюсь. Дорога длинная, и поговорить нам есть о чем.

— Ну что, Миша, поговорим? — обращается ко мне Филатов, новоизбранный секретарь ЦК КПСС по экологии. — С чего работу начинать будем? Как с отходами в стране бороться будем? Леонид Ильич, он человек великий, но работать-то нам. Как ты это все видишь, чтобы нам и дело делать, и плюшки за него получать?

У Филатова галстук набок, рубашка расстегнута, лицо со здоровым румянцем от хорошего коньяка с не менее замечательной закуской... Сразу видно, человек готов к серьёзному разговору.

— На ты, на вы? — спрашиваю я. — Как будем общаться?

— На ты, конечно, мы же теперь одна команда и возраста примерно одного, — я киваю! — Зови меня просто Евгеша, — разрешает расслабленный, но, к удивлению, почти трезвый Филатов. — А «вы» я приберегу для подчиненных! А-ха-ха! — смеется он удачной шутке. Но где-то я её уже слышал...

— А меня, если хочешь, зови по партийной кличке — «Птица», — говорит Пичугин. Я как на тридцать лет помолодел после такой командировки. Спасибо тебе, Миша, за то, за то... что ты есть!

— А меня зови просто «товарищ генерал», — говорит полковник Антон Геннадьевич Лазарев и мечтательно закатывает глаза. Он в меру поддат, но, в отличие от чуть помятых соседей, до синевы выбрит, благоухает хорошим одеколоном, явно иностранного происхождения, его костюм тщательно вычищен и выглажен. И когда успел-то привести себя в идеальный порядок?

— Договорились! — отзываюсь я. — А вот давайте-ка, товарищи, вместе и порассуждаем, с чего нам начинать. На примере. Вот поручили нам с вами связать мостом Россию и Крым через остров Тузла. С чего начнем? Деньги типа есть!

— А зачем нам этот мост? — недоумевает Филатов. — Там же есть железка через Перекоп? Вози, не хочу, что хочешь. И туда, и обратно.

— Ну, а если вдруг опять фашисты на нас напали и Украину завоевали? Перекоп их, а Крым наш! Нет железки, а паромы — долго и дорого. Вот и нужно мост построить для поездов и автомобилей, — уточняю я задачу.

На меня грозно смотрят три пары строгих глаз:

– Фашисты?! Опять?! Напали?! На нас?! Ты думай, что несёшь, паря! А то ведь и не посмотрим, что несовершеннолетний...

– Я на той войне, знаешь, сколько друзей потерял?! – зверем смотрит на меня Пичугин. – Да я тебя за них, за их память... Отдавай назад дарёную будёновку, не достоин!

– Ну, это же я для примера! – примирительно врубаю я заднюю, понимая, что с примером я, видимо, переборщил. – Пусть это другой мост будет, не Крымский, но тоже очень большой.

– Типа нашего в городе? – благосклонно прощает меня опытный Филатов. – Ну, тогда ладно, но если только для примера! Не вопрос, если деньги есть, говоришь. То, как тогда в 1955-м, наймём проектировщиков, мостотресты и с двух сторон, под партийным руководством, 5 лет за 3 года! Даёшь мост, ура, товарищи!

Остальные тоже кивают. Мол, что нам стоит мост построить.

– А потом ленточку перережем, и... ну, праздник, на весь город! Для людей! Ну, и для себя тоже. За такой мост можно и вторую «Гертруду», – (на начальственном сленге того времени, «Гертруда» – это золотая медаль «Герой социалистического труда»), – на грудь поймать.

– А вот нет мостотрестов! И проектировщиков нет! Не организовали, а людей не выучили, – непреклонно усложняю я условия задачи.

– Это как так, не организовали? Как так, не выучили?! – волнуется собеседники. – Предательство?! Саботаж?! Товарищ Лазарев, виновных немедленно установить и призвать к ответственности! Вплоть до высшей меры социальной защиты общества!

– Э-э-э, а вот теперь, товарищи, давайте вспомним, как поступил в такой же ситуации великий вождь и учитель товарищ Иосиф Виссарионович Сталин? – торжественно вопрошаю я у всех троих. – Тебе, «Евгеша», и тебе, «товарищ генерал», про это рассказывали в университете марксизма-ленинизма, помните? А «Птица» так и сам «Краткий курс» писал, обязан помнить!

– Всех расстрелял, а остальных посадил? – смущенно отвечает-спрашивает за всех «Евгеша».

– Ответ неверный, поэтому... Ну, хорошо, напомню, – оглядываю я собеседников строгим взглядом. – В начале индустриализации, когда Сталин начал закупать за золото, реквизированное у низведенных властных сословий и работников культа, технологии и заводы за рубежом, он... – делаю паузу и смотрю на собеседников, может вспомнят? Не вспомнили. Поэтому продолжаю: – ...приказал организовать «Институт красных профессоров», чтобы те профессора скрепу лучше искали. И ещё, буквально пинками, а где-то и по комсомольской путевке, загнал в технические вузы тысячи молодых, но, к сожалению, безграмотных пролетариев, чтобы буржуйские чертежи перерисовали и в их технологии врубались.

– Да, было такое, – смущенно подтверждает Пичугин.

– И чертежи те сначала вышли хреновые, и с пониманием технологий было не очень, – продолжаю я. – Однако уже вторые и третьи такие же заводы и ГЭС мы строили сами, товарищи, без оплаты золотом буржуям. И это факт, который опровергнут быть не может никем и никогда! И мы с вами, как верные последователи дела Ленина-Сталина и преданные соратники товарища Брежнева, должны для начала сделать следующее: организовать всеобщее и всеохватывающее экопросвещение советских граждан и открыть в вузах и техникумах новые специальности и новые направления подготовки: в гуманитарных вузах – «экология», а в технических – «обращение с отходами». Экопросвещение граждан СССР, полагаю, это дело, с которого и начнет секретариат ЦК по экологии в лице «Евгешы», – резюмирую я. – А вот форматирование вузовских специальностей в городе я возьму на себя. Вместе с «Птицей». Почему в городе, а не в Москве? А потому, что такой у нас город, научно продвинутый, и мы в нем живем! А «товарищ генерал» будет на обеспечении и связи всемерно, так сказать. Без дипломированных специалистов нам, товарищи, ни мост не построить, ни человечество от отходов не спасти. Так победим!

– Так победим! – эхом проносится по спецсалону, когда мои земляки-руководители, встав с кресел, торжественно смыкают в тосте рюмки с коньяком.

– Так победим!

Духи вождей

Обкомовская «Волга», в которой ночью едут из аэропорта «Толмачёво» Филатов, Пичугин и Лазарев. Они уже одни, Мишу отправили домой на другой машине.

– Это дух Сталина, точно вам говорю! – восклицает Филатов. – Видали, как всё разложил? Я чуть от стыда не провалился, когда он про индустриализацию

нам напомнил. Стыдно мне было и страшно... а вдруг как тогда? Не ответил — и пожалуйста вам, на десять лет «без права переписки»! А ведь я в УМЛ отличником был. Завтра же собираю партхозактив области, приглашаю ректоров педагогического и электротехнического институтов и ставлю задачи. Правильно Миша говорит, без дипломированных специалистов с высшим образованием нам даже подсказать некому, что хорошо, а что плохо. Много ещё чего до моего отъезда в Москву сделать успеем. И отчет в Политбюро ЦК составим, завтра же. Мол, не почиваем на лаврах, а уже трудимся в поте лица!

— А только сдается мне, что это не Сталина дух, а самого Ленина! — подхватывает тему Пичугин. — Сталин что... не ответил, сразу расстрелять или посадить. А Ленин... я же помню его... вежливо так скажет: «Хочу напомнить вам, товарищ!» И глаза при этом такие добрые-предобрые! Потом, правда, все равно или расстреляет или посадит, но чтобы в глаза такое сказать, никогда! Очень вежливый и учтивый был Владимир Ильич. Всех на вы называл! «А вы, товарищ Троицкий, сука и политическая проститутка», — я сам слышал. Да я с ним... с Мишей... да мы всё напишем как надо, для студентов этих. Пусть только он скажет, что писать.

— Ну а ты чего, «товарищ генерал», «с Лениным в башке и с наганом в руке», что про это всё думаешь? — обращаясь к Лазареву, спрашивает того Филатов: — Чей Миша дух, Сталина или Ленина?

Но полковник на вопрос не отвечает, ибо сладко спит, пригревшись на первом сиденье комфортного обкомовского автомобиля. Да и чего ему не спать и ломать себе голову над вопросами вселенского масштаба, когда все инструкции на выходе из подмосковной зареченской бани он вполголоса уже получил от своего непосредственного начальника председателя КГБ СССР Юрия Владимировича Андропова. И в левом кармане его пиджака беззвучно мотает пленку служебный диктофон.

Моя команда в сборе

В кабинете ректора электротехнического института за длинным столом для заседаний сидят шестеро: сам ректор, моя команда в полном составе, я... и молодой человек по имени Лёня. Сразу чувствуется, что здесь главный над всеми Филатов. Новая должность его очень красит. Он и раньше выглядел, как большой начальник, собственно, им и являясь, но сейчас, высокий, молодой, обретая в Москве некоторую дополнительную вальяжность движений и речи, в новом дорогом импортном костюме по фигуре, в изящных очках в тонкой золотой оправе, с лёгкой проседью на висках и с золотой звездой Героя Социалистического Труда на груди, он неотразим. И даже монументален, как сама советская власть.

Бывший второй, а ныне первый секретарь обкома, его приемник, всеми силами старается ему угодить, нагнать свиту, закрутить культур-мультикультурную программу, но «Евгеша» кремень — машину с водителем, и всё. Остальное нам не надоть! Он же местный, и у него в городе квартира, в которой сейчас живут старушка-мать и младшая сестра с мужем. Он всех здесь знает и в традиционных развлечениях командированных не нуждается. Его верные спутники, «Птица» и «товарищ генерал», когда он в городе, всегда с ним. Остальных Филатов от своего тела отгоняет, иногда очень жёстко. При мне наорал на девушку, секретаря какого-то райкома комсомола, которая попыталась засунуть ему в карман пиджака записочку со своим номером телефона. А девушка та была просто зачётной, ноги от шеи и с натуральной «четвёркой». Я бы на неё точно не орал!

Ректор электротехнического института — дяденька... ну, совсем не дурак. Он уже понял, что без него его женили, ну, или... избрали для великой цели. И лучше попасть под паровоз, чем начать качать права, вместо того чтобы под всю эту сурдинку укрепить материальную базу вверенного ему института и себя лично. А что к чему, начальство из Москвы объяснит, оно лучше знает. А ты сиди себе и слушай. Сиди и слушай!

Пичугин улыбается, поглядывая то на меня, то на молодого человека по имени Лёня. А полковник Лазарев сидит ровно и просто смотрит перед собой. Но он спит! Да-да, спит с открытыми глазами! Причём правой рукой он держит красивую импортную ручку и что-то постоянно помечает ей в своём блокноте, даже не заглядывая в него. То ли этому его научили в КГБ-шной школе, то ли у него врождённый талант, но я знаю, что если вдруг его сейчас попросить выступить... он встанет и начнет выступать, неважно о чём. И не поймёшь, то ли он ещё во сне, а то ли уже проснулся. Потрясающе полезный навык! Я как-то подсмотрел, а что же дядя Антон пишет в своём блокноте? Волна за волной и строка за строкой там идёт непрерывная фраза: «Не высовывайся!»

Лёня Вайсберг

И только молодой человек по имени Лёня пока ничего не понимает. Нет, он, будучи совсем неглупым молодым человеком, понимает, что большие начальники что-то от него хотят. Но вот что?! Он с большим интересом прослушал открытую лекцию странного школьника «Как спасти человечество от отходов?!», постоянно отмечая про себя по ходу изложения, что вот здесь он бы так и сказал, а здесь так бы и сформулировал, но еще бы добавил... Откуда ему сейчас знать, что эту лекцию он сам и написал, а-ха-ха!

Лёне 31 год, он родился на Урале и с «отличием» закончил Горный институт. Кандидат технических наук. Член КПСС. Перспективный научный сотрудник в крупном НПО горной промышленности. Его отец, Абрам Вайсберг, председатель городской еврейской общины. Но это никак не помешало карьере сына. Скорее, помогло. У Лёни есть жена Наталья и маленькая дочка. Кроме горного дела, Лёня увлекается изучением истории цивилизации и религии. Именно так написано в объективке, сейчас лежащей на столе перед Филатовым.

Но есть на Лёню и другая объективка, которая только у меня в голове. Вайсберг Леонид Абрамович, 1944 г.р., доктор технических наук, профессор, академик РАН, трижды лауреат государственных премий и пр., и пр., и пр. У него есть даже орден «Полярная звезда» — высшая награда Монголии. Что-то он им там построил, горноперерабатывающее.

Но при этом именно он придумал термины «техносферная безопасность» и «обращение с отходами». Именно он придумал и частенько читал студентам ту самую публичную лекцию «Как спасти человечество от отходов?!», которую сегодня впервые сам и послушал в моём исполнении. И его не нужно было уговаривать. Вставал и шёл читать, «если его ждали больше 10 человек». Но всякий раз собирались тысячи...

И вообще, «обращение с отходами» — это единственная сфера его кипучей и разносторонней деятельности, в которой он просто не успел победить и часто говорил: «Эх-х! Надо было начинать в 1975-м, тогда бы точно успели!» Во-о-от! Поэтому мы сейчас с ним именно в 1975-м. И мы начинаем! Всё, как он хотел!

Он умер нелепо и страшно, всего лишь в 76 лет. Проклятый ковид! Хоронили его 31 декабря. Кругом уже вовсю хлопало шампанское, а его несли на кладбище. Наверное, он бы пошутил по этому поводу. Как шутил над собою и окружающим его миром всю свою жизнь.

— Леонид Абрамович! Есть мнение, что основной причиной появления такого большого количества отходов является сверхпотребление, это так?

— Думаю, нет, человечеству столько не съесть!

— Леонид Абрамович, скажите, как вы относитесь к экосбору?

— Никак, тратят его другие!

Миша смотрит на Лёню, а Лёня смотрит на Мишу. В глазах у юного Лёни тысячетлетняя печаль еврейского народа, он не понимает, что его ждет. Не бойсь, Лёня, ничего плохого... я сам боюсь. Он, конечно, ещё слишком молод для такого глобального прорыва. Но тогда и время было такое, взрослые медленно — а куда торопиться, наверху все занято.

Я помню его уже гораздо старше, совсем седого. Но умный внимательный взгляд и аккуратная щетка усов, всё те же. У нас с ним было два серьёзных, хорошо продуманных, но так в итоге и недоделанных толком научно-образовательных проектов федерального уровня: «Система подготовки дипломированных специалистов в области обращения с отходами» и «Международная научная Конференция WASTE (отходы и технологии их утилизации)».

С академиком всё было просто. Он звонил, и двери открывались, а люди улыбались. А вот когда его не стало... Я по инерции сунулся было к его коллегам-академикам, мол, вторая конференция уже практически готова, вы же были на первой, слова говорили, давайте проведем вторую, уже под вашей эгидой. А рефреном возьмём: «Памяти академика Вайсберга».

«Еще не остыл, какая память...» — сказал один, который был поближе. А второй, который был ещё ближе, вообще отказался со мною разговаривать, мол, некогда. И пошёл я, солнцем палимый... Ничего не поделать, такие нынче нравы у российских академиков, не впрягаются они за память коллег. Хотя при СССР именами академиков даже океанские корабли называли.

Ну вот, и закрутим мы теперь, любезный Леонид Абрамович, все наши проекты по новой, время уже нам с вами точно хватит!

* * *

— Леонид! — обращается к нему Филатов. — Можно вас так называть? — Лёня молча кивает головой, мол, конечно, можно. — Так вот, Леонид, — продолжает

«Евгеша», — меня зовут Евгений Константинович Филатов, я секретарь ЦК КПСС по экологии. Ректора электротехнического института вы знаете, Мишу послушали. А это мои ближайшие помощники и советники — старый большевик и друг моего отца Иван Поликарпович Пичугин и начальник областного управления КГБ полковник Антон Геннадьевич Лазарев, — все кивают друг-другу, мол, очень приятно. — Теперь они будут и вам помогать. Партия и правительство приняли решение, — продолжает Филатов, — оказать вам, Леонид, большую честь и в рамках партийной дисциплины поручить вам стать деканом первого в СССР вузовского факультета «Экология и обращение с отходами». Кроме того, совместить вашу будущую деканскую деятельность с заведованием выпускающей кафедры «Обращение с отходами». Кандидатура заведующего второй факультетской кафедрой «Экология» сейчас подбирается. Для начала наберете по три группы по 25 человек на 1-й курс по каждой специальности. Из 30 тысяч претендентов, а-ха-ха, не шучу, — Филатов закашливается, выпивает стакан воды и продолжает: — В перспективе у вас будет самостоятельный институт или высшая школа, а вы в нём ректор. Или это будет университет, решим. Учебные программы напишите с Мишей. Он мальчик умный, плохого не подскажет, через два года и сам придет к вам учиться. Вопросы есть?

— Не-е-ет! — слабо реагирует Лёня, и я вижу, что он собирается вот-вот завалиться в обморок. Но пока держится. А что такого? Любой бы завалился...

— Вы же пока «голый» кандидат (без дополнительных учёных званий «доцент» и «профессор»)? — вступает в разговор ректор. — Значит, пока по приказу пойдете на ВРИО, а потом, всё как положено, проведем вас по конкурсу через ученый совет и ВАК. Докторскую диссертацию защитите у нас в совете, думаю, через годик-полтора. У вас же сейчас однушка на троих? Подадите заявление в профком института на трехкомнатную, через месяц получите. Права на легковую машину есть? Нет? Тогда служебная «Волга» у вас будет с водителем.

Одной рукой я поддерживаю Лёню, практически уже без сознания пытающегося сползти со стула на пол, а другой наливаю ему в стакан воды из графина. Бледный он стал какой-то...

Институтский техникум

А в техникуме такой же бедам, как и в институте. Приёмная комиссия, которая ещё не начинала работать, уже завалена заявлениями граждан о приеме на новые специальности. Не десятки тысяч, как в институте, но тоже внушительно. И с этим нужно уже что-то делать. Как и с поиском преподавателей специальности.

Как в сказке, походи и найди то, чего нет. Ведь откуда берутся преподаватели? Правильно, выращиваются из студентов. Они сначала заканчивают институт по данной специальности, потом аспирантуру, становятся специалистами. Защищают диссертации, а потом начинают преподавать. А где взять классных преподавателей-специалистов по технологиям обращения с отходами в 1975 году? Ещё замучаешься их выращивать! Вайсберг не знает... А я знаю! Всё просто, получилось с ним, получится и с другими — будущими профессорами Кофманом и Маликовым. Правда, они ещё об этом не знают, но это ничего.

Чтобы найти преподавателей специальности, у нас есть ещё два года. Обучение в институтах и техникумах сейчас устроено так, что первые два курса — это общеобразовательные предметы, и по ним у нас всё в порядке. А «Введение в специальность» прекрасно прочитает и сам Вайсберг.

Теперь, чуть не все мальчишки и девчонки в стране хотят стать «советскими супергероями». Вот она, сила сарафанного радио в СССР. Вайсберг не знает, как выбрать из тысяч абитуриентов, у которых все пятёрки по всем экзаменам, а я знаю! Получилось в будущем, получится и в прошлом! Введем дополнительный конкурсный балл за собственный проект в области экологии, да и всё!

Наши в городе

2000 год. Ректор университета «Экология и обращение с отходами», академик АН СССР Леонид Абрамович Вайсберг цветёт, как майская роза. Именины сердца! Ну как же, в город приезжают два его ученика... да каких!

Один — на минуточку — секретарь ЦК КПСС Юрий Сергеевич Шевчук — Юра, который буквально вырос на его глазах от студента и лаборанта до заведующего кафедры «Экология», пока его, можно сказать, силой не забрал в Москву Филатов, где он и стал со временем его приемником. Второй — его бывший декан и заведующий кафедрой «Обращение с отходами», а ныне министр от экологии СССР, по слухам, уже тоже бывший, но тем не менее... И можно сказать, его ученики приезжают лично

к нему. На завтра в университетском актовом зале назначена встреча Шевчука с руководством и коллективом университета в присутствии партхозактива области и большого числа журналистов, включая иностранных.

Вайсберг опытный ректор и знает, что такие приезды всегда несут за собой множество приятных моментов как для университета в целом, так и для скромной персоны его ректора. Да что там для университета... для всей страны! А то и для всего мира! Вот завтра и узнаем, с чем таким пожаловали его бывшие ученики-москвичи. А пока... не дёргаемся и попросим жену Наташу приготовить на завтра его лучший костюм. Да, тот самый, с красным галстуком в горошек и таким же платочком в нагрудный карман пиджака. Нет, все награды он завтра надевать не будет, не первомайская демонстрация, чай! Наденет только самые дорогие — золотую звезду Героя Социалистического Труда, но её и положено носить всегда, и три значка лауреата государственной премии.

«Вэйзмир... обвешаюсь, как Брежнев, — думает Вайсберг и откладывает лауреатские значки в сторону: — Пойду только с «Гертрудой», строго, скромно и значительно!»

Он хорошо помнит, как в уже далёком 81-м эта только что полученная им «Гертруда» буквально защитила его от разъярённого ректора электротехнического института, от которого соответствующим постановлением СМ СССР отделяли новый университет и которому ещё молодой Вайсберг показывал пальчиком по списку: «Это, это, это и вот это! И еще то и во-о-он то!»

Тот Ректор-великан визжал, брызгал слюной и бубнил как заведённый: «Буй! Буй! Буй...» — ну или что-то похожее, и даже хотел драться. Но увидев на груди невысокого Вайсберга новенькую «Гертуду», сразу успокоился и, видимо, смирившись, схватился за голову и только тихо постанывал, когда писали разделительный акт. В СССР Героев не бьют, какого бы они роста ни были...

В целом, Вайсбергу уже знакомлен с программой на завтра. Сутрана кладбище. И экс-секретарь ЦК КПСС Е.К. Филатов, и старый большевик экс-завкафедрой «Экология» университета И.П. Пичугин, к сожалению, не дотянули до сегодняшнего дня. И теперь, по их же собственным завещаниям, они с миром покоятся на мемориальном участке городского кладбища «Клещиха» рядом с любимой горожанами землячкой — Фросей Бурлаковой из фильма «Приходите завтра!» Так в городе и говорят: «Наши, это через две улицы, направо от Фроси». Или: «За Фросей по левой стороне шестой квартал».

Хотя, конечно, по своему статусу, Евгений Константинович Филатов мог претендовать и на упокоение в Некрополе перед кремлёвской стеной. Но не захотел и приказал похоронить себя на родине, в городе, где родился, жил и вырос до первого секретаря обкома КПСС. А воля покойного — закон!

А вот дядя Антон Лазарев жив и сегодня, он экс-начальник КГБ СССР в звании «генерала армии запаса» и со всеми положенными его статусу привилегиями. И он настоял, чтобы его приемник В.В. Власов взял его в поездку Шевчука в город. Хочет повидаться на кладбище с покойными друзьями и соратниками — «Евгешей» и «Птицей».

А с Мишей они и так видятся, тот часто по выходным приезжает к нему на дачу в Сходню половить рыбки и поболтать. Скучно ему в Москве без семьи да в министрах. А «товарищ генерал» и не против, рассказывает ему, что да как было.

После кладбища все поедут в университет, и там до обеда будет официальное мероприятие, а после обеда уже неофициальное. Проректор по соцкультбыту... да-да, тот самый, оттяпанный ещё у электротехнического института, Аркадий Нахимович Буркис, уже неделю стоит на ушах вместе со своими сотрудниками без сна и отдыха. Шутка ли, одних журналистов и телевизионщиков больше ста человек понаехало, и всех встретить, накорми, место своё покажи. Денег-то, да, на все это дали, но КГБ и личная охрана высокого начальства лютует... туда ходить нельзя, здесь не стоять...

А вечером — приём, банкет от имени ректора, то есть самого Вайсберга. Честно говоря, нервически это как-то, устраивать приём от своего имени в присутствии таких персон, но сказали так: «Э-э-э, кто хозяин, того и пьянка! Будете в Кремле, проставитесь, а продукты и алкоголь вам завтра завезут!»

Эх, был бы жив папа Абрам, порадовался бы, какая честь оказана их семье, какая честь...

Мой кабинет

Я захожу в свой деканский кабинет. Всё на месте, как и не уезжал в Москву на министерскую должность. Мудрый Вайсберг как знал, что я вернусь, и никому мой кабинет не отдал, спасибо ему! Вот вернулся, и больше я не министр.

На стену, напротив окна, на тот же гвоздик, вешаю «Рогатого». Он давно со мною,

так и кочует из кабинета в кабинет. Почему его так назвал автор, широко известный в узких творческих кругах художник Дмитрий Глуговский, неведомо. И никакой он не «Рогатый», на голове у него что-то типа длинных розовых локаторов, а сам он на четырех лапах стоит на круглой лужайке, похожей на Полюс мира, и, чуть скосив, смотрит огромными и удивительно красивыми «человеческими» глазами. Нет, он никого не осуждает, он просто стоит и смотрит на этот мир. На нас! А мы на него!

Кабинет ректора Вайсберга

На следующий день после визита в университет руководства СССР. Вайсберг полулежит на кожаной кушетке в комнате отдыха. Рядом проректор университета по соцулькультбыту А.Н. Буркис. На столике стакан воды и пачка таблеток «аспирина».

Вайсберг (*вяло*): — Аркадий, что-то я не в форме после вчерашнего... всё как-то сумбурно было, как в тумане, особенно в конце, уже плохо помню. Напомни, пожалуйста, с чем мы, в итоге, остались?

Буркис: — Полтора ящика «КВ» и два серебряных ведёрка с чёрной икрой! Я их из-под американцев буквально выдрал. С собою забрать хотели, всё мне говорили: «For our president!» Но я же по-английски не понимаю, короче, выдрал. Всё в холодильнике!

Вайсберг: — Это ты молодец! Я тот «КВ» еще на кладбище распробовал, когда поминали наших, да, видать, немного переборщил...

Буркис (*тонко улыбается*): — Бывает...

Вайсберг: — Ты это... Аркадий, подели икру на всех, кто работал, и ещё премии по окладу оформи приказом, я подпишу.

Буркис: — Тот «КВ» вчера все распробовали, особенно женщины. Как одна американка мне сказала, кстати, тоже профессорша: «Развитие аромата уходит в древесно-бальзамическую тему с нюансами шоколада, ванили и специй, а покрытый насыщенным вкусом чёрной икры со сливочно-ореховыми нотками и с едва заметной горчинкой, он приходит...» Высокая поэзия! Я вчера у неё даже попросил записать, выучить. Вот так, «уходит-приходит», а семнадцать ящиков «КВ» за вечер махом ушли, считай, всё, что привезли. И это не считая чёрной икры, её тоже всю кончили, под ноль, все 30 ведёрок... Зато журналисты довольны... Весь мир теперь знает, как угощали на банкете у русского ректора Вайсберга! Все зарубежные издания уже сообщили... В подробностях!

Вайсберг (*хочет*): — Ты же по-английски не понимаешь! Ну а так-то, по делу, что было? А то я, считай, с обеда уже как зомби ходил... не помню ни черта!

Буркис: — Так вас же, Леонид Абрамович, второй «Гертрудой» вчера наградили! Поздравляю от души! Достойная награда за ваш труд. Всем нашим... кому орден, кому медаль дали. Мне вот «Трудовик» прилетел, как с куста, — нежно гладит новенький Орден Трудового Красного знамени на груди. — Университет расширять будем, новое направление открывать, «Проектирование обращения с отходами» называется, нам под него уже сказали список писать, что нужно. Миша вернулся из министров, говорит, надоело в Москве, по нам соскучился. И ещё у нас теперь многопартийность и... как, бишь, его... плюрализм мнений. Какая-то партия «Зеленые» будет, кроме КПСС. Но это зачем, я пока не совсем понял.

Вайсберг: — У-у-у-у! Налей-ка мне, Аркадий, грамм пятьдесят коньячка, голову включить. А то столько новостей!